

О поэзии-как-молчании Геннадия Айги

«Он – талантливый поэт, но никак не русскоязычный, ему бы на французском писать», – примерно так отзывался Иосиф Бродский, когда его спросили о том, что он думает о поэзии Геннадия Айги. Нарушение традиции и пренебрежение языковыми законами, при этом внешне чем-то напоминает толи Малларме, толи Введенского, а порой и Малевича – первое, что бросается в глаза при чтении стихов Г. Айги. Один поэт как-то сказал, что Г. Айги как бы располагает свои стихи в пространстве листа; возможно, это суждение и станет отправной точкой в нашей попытке осмысления такого феномена в русскоязычной поэзии, как «текст-тело» (Г. Айги).

У Осипа Мандельштама в стихотворении «Нашедшему подкову» есть такие строчки: «Ни одно слово не лучше другого, / Земля гудит метафорой», которая вполне созвучна с мыслями анализируемого нами поэта в том, что «всякий устный, осмысленно-связный текст – „тело“... – как некий куст, тянущийся к небу», в восприятии текста, словно храма, но уже не в мандельштамовском процессе его выстраивания по кирпичикам, а в непосредственной целостности. У Айги мы практически не найдем текстов в которых знаки препинания выполняют свои непосредственные функции, они, скорее, заставляют язык спотыкаться и, в отличие от косноязычия А. Белого, выставлять каждый стих, слово, а то и одну букву в своей самоценности. Нам кажется, что возведение данного опыта преодоления языка к топологической проблематике, является вполне адекватной, если под «местом» понимать сам язык, а под «телом» – языковую единицу, как-то: буква, знак препинания, слово, синтаксическая конструкция и текст в целом.

Аналогично синтаксически-деривационной функции языка, отношения и признаки, присущие тексту, подвергаются субстанцидации, которая, в свою очередь, происходит путем *инсталляции*, то есть помещением определенного текста в *рамку*. Текст, инсталлируясь, открывает новые *места*, которые, по сути, собой и занимает. Текст становится своей собственной копией, способной к бесконечному самовоспроизведению. И, таким образом, это производное место с субстанцированным пространством теряет свою соотнесенность с «местом» производящим, при этом, не деформируя семантики текста, снабжает его иными синтаксисом и прагматикой. Производный текст – это текст проартикулированный в самом языке. Так одно из стихотворений из сборника «Тетрадь Вероники» выглядит следующим образом:

«А»

При этом текст полагает себя во вне, «помечая» близлежащее пространство индивидуальным знаком, само, при этом, оказываясь местом для письма, для своеобразной татуировки – следа нанесенного субстанцированной эмоциональностью. (например, в текстах Г. Айги, под час встречаются рисунки – кресты, целые картины)

И опять же стоит вспомнить, весьма близкого по взглядам для Айги, Мандельштама и его «Слепую ласточку», возвращающуюся в «чертог теней» – то место, которое можно приравнять к «тишине», а если более точно, то к «молчанию». «В разговоре на расстоянии» Айги пишет: «Шум-мир начинает казаться иногда Лже-миром, - кто «очистит» его до тишины?», – возможно в этом и состоит цель преодоления языка. «Необходимость уметь творить тишину» – тот момент, который отделяет философскую установку Айги от философских взглядов на язык у других поэтов. Иногда кроме тишины ни чего больше и нет в поэтическом тексте, следует даже сказать, что тишина и является самим поэтическим текстом – это, то субстанцированное отношение производящего текста, – текста взятого в кавычки, вынесенного за рамки себя артикулируемого. Так обстоит дело со следующим текстом:

«;»

Та синтаксическая функция, которая должна реализовываться за счет данного знака в классическом поэтическом тексте здесь самоценна, она «выставлена во вне» языка.

«Поэзия-как-молчание» – вероятно в этом названии одного из самых известных текстов позднего периода творчества раскрывается весьма существенный момент идеи поэтического творчества Г. Айги. Стремясь к отелесниванию текста, поэт расшатывает его семантику, ступая в так называемый «нулевой топос» – то место, где рядом с самим языком уже нет пространства необходимого для его слышания, диалога, так как оно субстанцировано. Теперь поэтический текст способен на самоисключение – путем оставления себя в кавычках, так сказать – по умолчанию: *за рамкой себя артикулируемого*.

ВЕРШИНЫ БЕРЕЗ – С ДЕТСТВА И ДО СИХ ПОР

будто
все то же:

о
затихание – после
шепота
взгляда
и слуха –

(и я забывал это было всю жизнь забывал колыбельную голосом
бывшую чтобы всю жизнь вспоминать колыбельную будто безмолвно-
первичную духом меня изначально раскрывшую шириться мне обещая
свободно без края) –

о
затиханье – (давно уже нет никого):

воздух – в вершинах:

берез

1983